

чтобы обсудить вопрос о максимуме. В результате решено было представить в Конвент от имени всего народа парижского департамента прошение, требовавшее установления таксы на зерновые хлеба.

Конвент признал, как мы сейчас видели, справедливость этого требования. Такса была установлена на зерновые хлеба и также на ряд других предметов первой и второй необходимости. Мясо, скот, сало, прованское масло, рыба, уксус, водка и пиво входили в этот разряд. Различные виды топлива, свечи, светильное масло, соль, мыло, сахар, мед, белая бумага, металлы, пенька и лен, ткани, холсты, деревянные башмаки, обувь вообще, табак и сырье, употребляемое на фабриках, были также включены в список предметов, для которых назначалась такса сроком на один год. Высшие для них цены определялись по ценам, стоявшим в 1790 г. (как они были занесены в рыночные таблицы), к ним прибавлялась одна треть за вычетом акциза, которому они были подвержены (закон 29 сентября 1793).

Но вместе с тем Конвент выпустил закон и против наемного труда и вообще против бедных. Он постановил, что «максимум, или вообще высшая заработная плата, жалованье и поденная плата будут установлены общинными советами сроком на один год по той цене, какая стояла в 1790 г., с прибавкой половины этой цены».

Очевидно, на этом дело не могло остановиться. Раз Франция отказывалась от системы полного произвола в торговле и, следовательно, спекуляции, неизбежно вытекающей из этого произвола, она уже не могла удовлетвориться такими робкими попытками. Она должна была идти дальше по пути *коммунализации торговли*, каковы бы ни были препятствия, которые встретят эти начинания.

Действительно, 11 брюмера II года (1 ноября 1793 г.) Конвент на основании доклада Барера нашел, что назначать цены, по которым товары должны были продаваться в розничной торговле, значило «накладывать налог на мелкую торговлю в пользу фабричного предпринимателя». Тогда была высказана мысль, что для того, чтобы устанавливать цены каждого из товаров, поименованных в предыдущем декрете, нужно было знать «ценность каждого товара на месте производства». Если тогда прибавить 5 % прибыли для оптового торговца и 5 % для розничной торговли и еще столько-то поверстной платы за перевозку товара, можно будет установить истинную цену, по которой каждый товар следует продавать.

Ввиду этого начато было громадное расследование, имевшее целью определить один из элементов ценности (стоимость производства). Но, к сожалению, оно не могло быть доведено до конца, так как 9 термидора (27 июля 1794 г.) восторжествовала реакция, и все это было оставлено. Третьего нивоза III года (23 декабря 1794 г.) после бурных прений, начатых термидорцами уже с 8 ноября, законы о максимуме были отменены.

В результате получилось страшное падение ассигнаций. В торговле стали давать только 19 ливров серебром за 100 ливров бумажками; полгода спустя курс упал уже до 2 ливров за 100 и до 15 су - в ноябре 1795 г. Случалось платить до 100 ливров за пару башмаков и до 6 тыс. - за поездку в карете¹.

Мы говорили уже раньше, что с целью покрыть государственные расходы Неккер заключил было 9 и 27 августа 1789 г. два займа в 30 и в 80 млн. Эти займы, однако, не удались, и он добился от Учредительного собрания чрезвычайного единовременного налога, равного четверти годового дохода каждого гражданина. Государству грозило банкротство, и Собрание, увлеченное Мирабо, провотировало этот налог. Но налог принес очень мало². Тогда, как мы видели, явилась мысль конфисковать имущества духовенства, составить из них фонд национальных имуществ и пустить их в продажу, выпуская ассигнации, которые будут выкупаться по мере того, как деньги будут поступать за проданные имущества. Количество ассигнаций, выпускаемое каждый раз, определялось ценностью имуществ, пущенных в продажу. Эти ассигнации приносили проценты, и обращение их было обязательное.

«Opinion de Momoro, sur la fixation du maximum des prix des grains dans l'universalite de la Republique francaise». Paris, [1793].

¹ Об истинных причинах этой дороговизны, умышленно вызванной, см.: *Avenel C.* Lundis revolutionnaires. Paris, 1875, ch. III.

² Вообще во все время революции налоги уплачивались очень плохо. В феврале 1793 г. в казначейство еще ничего не поступило из поземельных налогов и из налогов на движимость за предыдущий год, а за 1791 г. поступила только половина, т. е. всего около 150 млн. Все остальные поступления получались так же неаккуратно. Думают иногда, что революции легко было сделать экономии на администрации, уменьшив число чиновников. Но этого, несомненно, не было в государственной революции 1789–1793 гг.: она каждый год расширяла обязанности государства. Народное образование, судьи, оплаченные государством, выборная администрация на жаловании, громадная армия и т. д. требовали каждый год все больших и больших расходов.